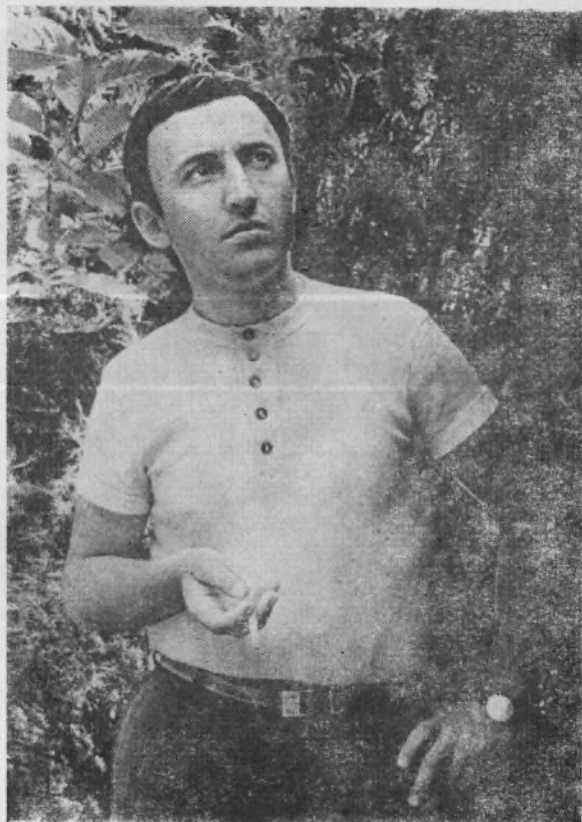

АХМАТ
СОЗАЕВ

СОЛНЕЧНЫЕ ТЕНИ

СТИХИ
И ПОЭМА

Авторизованный
перевод
с балкарского

КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ОЛИБРИС»

ПЕСНЯ РОДНИКА

В окрестностях Нальчика, в поселке АК-Су есть горный родник. Он журчит среди камней и даже издали дает путнику ощущение чистоты и прохлады. Житель этих мест, молодой Ахмат Созаев стоит у родника. Это не литературный образ. Это указание на место действия его поэзии. А поэзия его стремится передать песню родника, блики солнца на его струях, живо текущую по жилам горскую свежесть.

Я встречал Ахмата Созаева в Нальчике и в Москве, среди высоких домов, на аэродроме, в кругу друзей. Он был и здесь, самым собой, не терял лица. Я видел его в разных местах и ситуациях, но только у родника я его увидел.

В глубоком застыл размышленье,
Над горным ключом я стою.
В его равномерном биенье
Я песни земли узнаю.

Прислушиваясь к мелодике стихов Ахмата Созаева, я вместе с тем слышал «равномерное биенье» родника. Песня земли здесь не иносказание. И родник, и земля, и песня даны в прямом смысле. Для того чтобы в этом убедиться, надо прочитать книгу Ахмата Созаева.

Родниковая песня, казалось бы, предполагает только пассивность, непреднамеренность, естественность — прекрасные качества. Но подчас принято родниковую

песню противопоставлять культуре, книге, образованию. Ахмат Созаев снимает это противопоставление. Его поэзию поют родниковая балкарская песня, кованные строки, вышедшие из чудесной кухни Казима Мечиева, и вместе с тем русская поэтическая классика, европейские мастера и среди них в первую голову Федерико Гарсиа Лорка, современный верлибр — все то, что Ахмат Созаев воспринял из уст своего непосредственного учителя Кайсына Кулнева.

Умение бытовое, обиходное, привычное делать возвышенным, одухотворенным, сказочным составляет существо работы поэта. Женщина идет по воду? Нет, она уходит в сказку.

Видно, ты уходишь в сказку,
А совсем не за водой.

Ощущение мягкого перехода обыкновенного в необыкновенное не покидает меня на всем протяжении книги, на всем протяжении встречи с поэтом. А что такое книга, как не встреча, не беседа с автором? Ахмат Созаев — собеседник. Но не только собеседник. Он еще и рисовальщик. Читаю строки Ахмата Созаева и вижу линии горы, проступающие на облаке, вижу облако, дымчато обозначенное на синеве, вижу синеву, разлившуюся над Приэльбрусьем. Горные склоны, потоки, озера, пастбища, пути — все это нарисовано не специально, а как бы проходя, при доверительном рассказе о своих чувствах и о чувствах своих современников.

Балкарский читатель узнал и оценил стихи Ахмата Созаева. Теперь, после публикации в центральной периодике, поэт выходит к читателю с первой книгой стихов в переводе на русский язык.

В книге много солнца — названного и неназванного.

Если появляется в стихах луна, то она робко дожидается в стороне, когда солнце позволит ей взойти на небосклон. Прихотливая игра солнца и луны, дня и ночи передает живой круговорот суток, и это обозначено в поэзии Ахмата Созаева с нежной точностью. Солнце отбрасывает тени, и эти тени еще более подчеркивают интенсивность света.

Много дождей вперемежку с солнцем. Много зелени в солнечных накрапах. Много цветов, возникающих неожиданно и к стати.

Цветы — как люди,
Люди — как цветы.

У Ахмата Созаева природа норовит поступать так, как поступает человек. Это ей не всегда удается. Что же касается человека, то в лучшие, заповедные свои часы он стремится идти вслед за природой. И надо сказать, что это не всегда ему удается. Но в этом единстве природы и человека поэт ищет свою гармонию. У него «морской закат раскуривает трубку», луна звучит «горной песней», «музыка лунного света спит в гитаре», запах хлеба напоминает «теплый вечер», сильные руки отца на отдыхе — «словно спящие кони»... Образный строй поэзии Ахмата Созаева естественно передает строй его жизни, ее трудовой распорядок, расписание дня балкарского крестьянина, мечтателя, художника.

Такое гармоническое сочетание поэзии и жизни позволяет с надеждой смотреть на Ахмата Созаева, на завтрашний день его поэзии.

Лев Озеров.

СТАРЫЕ ДОРОГИ

Горского края дороги старинные,
Вы — как усталые пахарей руки.
Лет отгремевших повести длинные
Мне открывают ваши излучки.

Нартов отважных сказания древние
Вы пронесли сквозь туманные дали...
Тех, кто ушел за отчизну в сражения,
Вы, как печальные матери, ждали.

Словно клинок богатырский потрогаю,
К вам прикоснусь, вашу мудрость впитаю...
Медленно старой иду я дорогою,
Будто историю нашу читаю...

Полон сад дышащем яблок спелых..
Мой отец осматривает сад,
И из-под бровей, густых и белых,
Молодо глаза его глядят.

Смотрит он на соком налитые,
Солицем напоённые плоды,
И чиста, как пики гор седые,
Белизна отцовской бороды.

И в руках, патруженных, не дряблых,
Так он держит краснощекий плод,
Словно красота созревших яблок
Молодость далекую вернет.

Яблонька, склони свою вершину,
Подари отцу свой юный свет!
Видишь на лице его морщины?
Их ведь больше, чем прожитых лет...

Молод мир наш сочностью налива,
Вечной сменой листьев и цветов...
И сидит в саду отец счастливый,
Гордым сердцем старость поборов.

Старик идет за плугом —
Темнеет борода.
В корнях бурлит упруго
Весенняя вода.
Клубится пар кудрявый,
Земля свежа, влажна.
Молоденькие травы
Приветствует она.
Старик берет в ладони
Земли нагретый ком —
На внешнем небосклоне
Звездой сверкает он.
Звездой ты всходишь в небе,
Кормилица-земля,
Живешь ты в теплом хлебе,
Кормилица-земля!
Все беды победила
Кормилица-земля.
Ты — наша мощь и сила,
Кормилица-земля!

СНЕЖНАЯ СИМФОНИЯ

Снег идет... Он так робко ложится на
площадь,
Словно первую гамму играет на оцупь.

Снег идет... Пьедестал осыпает гранитный
В тихом темпе, в стеснительном медленном
ритме.

Но Чайковский к беззвучью его, словно
к звуку,
Протянул свою тонкую, чуткую руку,—

И над улицей в гуле машинного бега
Дирижирует белой симфонией снега.

Повелительной палочки тайные взмахи —
И мелькают снежинки, как потные знаки,

И трепещут, сверкая серебряной пылью,
Лебединого озера легкие крылья...

Снег идет, словно силы свои проверяя,
Словно тихую песню на слух подбирая...

Снег струится — и памятник, стройный,
певучий,
Утопает в снегу, словно в море созвучий...

И Чайковского облик — не бронза и камень,—
А медалью серебряной в площадь вчеканен.

СТИХИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ АЛИМУ БАЙСУЛТАНОВУ

Взмах крылатого корабля
Рассекает тебе надбровье.
Твое сердце питала земля,
Наполняя земной любовью.

Твою гордость, что выше скал,
Твою доблесть, что тверже стали,
Я с собою в дорогу взял,
А дорога моя крутая...

Дороги в светлом мареве,
Незримый след крыла,
Балкария, Балкария,
Как лебедь, ты бела.

Усами серебристыми
Клубится водопад,
И на зеленом выступе
Повис наклонный сад.

Ветрами ты обшарена,
Горами стеснена,
Балкария, Балкария,
Упорная страна.

Здесь тучки полусонные —
Как ключья мутной мглы.
Здесь радуги, пронзенные
Седым зубцом скалы.

Здесь вольно сердцу дышится,
В нагорьях, на лугах.
Здесь облако колышется
У тура на рогах.

Пути, что в камни врезаны,
Колючие ветра...
Земля моя, как лезвие
Кинжальное, остра...

НОВОСЕЛЬЕ

Среди зеленых
Наших гор
Был дом построен
На века.
Дом-высота
И дом-простор
Уперся крышей
В облака.

И перед тем,
Как дом-утес
Жильцами заселить,
Чуть свет,
Дед на плече своем
Принес
Огромный
Ленина портрет.

И слышал во дворе
Народ,
Как дед сказал
О доме том:
— Пусть первым
Ленин в дом войдет,
Оценит первым
Новый дом.

И солнце
Вслед за Ильичем

В незаселенный
Дом вошло,
И луч —
Вдогонку за лучом —
Поилыл
Сквозь чистое стекло.

И горы
В окна те глядят,
И в этих окнах
Видят нас.
И Ленина
Пытливый взгляд
К нам обращен:
Что ж, в добрый час!

БЕЛАЯ РЕЧКА

М. Гиляхову

Упираясь плечом в твои скалы,
Я стою на обломке луны,
Что с высокого неба упала
В ледяные ладони волны.

Здесь владенья твои и чертоги.
Здесь ты плачешь, поешь и живешь.
Словно взмыленный конь быстроногий,
В твои струи врывается дождь.

Здесь на радость ли, на беду ли, —
По веленью твоей руки, —
Уплывают мои раздумья,
Приплывают ко мне стихи.

Белый камень. Белая речка.
Вот мой адрес на белом письме.
И, как надпись на книге, — насечку
Я читаю на белой скале.

ГОРСКИЙ РЕКВИЕМ

I

Он был человеком,
Человеком, которого знали
И дороги, и горы.
Он угас, как гаснет звезда.
Он ушел, не завершив своих дел,
Он ушел —
В доме плач.

II

В доме плач...
И за окнами — дождь моросит,
Листья в каплях дождя — как глаза в слезах.
И рыдания,
Как раненные птицы,
Бьются в стены,
Стекают по стеклам, как струи.
В доме плач...
В этом доме — умершего горца глаза.
Не закрыла их смерть —
В миг последний они не успели увидеть
Сына, единственного сына...
В этом доме — натруженные руки в мозолях,
Остывают они ото всех непрерывных трудов.
Нет глазам этим света, нет работы рукам.
В доме плач...

Нес с порога глядит на замолкшего горца,
Тихо взвизгивает, словно окрика ждет,
Словно ласки хозяйской просит...
Лица плачут,
Листья слезятся...

III

Тело выносят...
Так тихо, тихо.
Несут, словно тягу земную несут.
Это трудная ноша,
Тяжелая ноша.
Так бессильно, так вяло простерлась дорога,
Словно тяжесть утраты всю твердость у ней
отняла.
Ваоры... Грустные взоры.
Ноги... Поступь шагающих ног,
Негодующих, спорящих, грузно ступающих ног.

IV

Дорога...
Несут по дороге его,
По дороге, когда-то проложенной им,
По дороге, шершавой, как руки его,
По дороге, извивы которой — как изгибы
ладоней его.
По последней дороге несут его тело.
Вдоль дороги деревья, шатаясь от горя, бредут.
И роняют, как слезы, измокшие листья.
Он растил те деревья,
Он осенил его.

Кладбище...

Сырая, скользкая земля.

Серый холод надмогильника — застывший
осколок луны

А над ним в небесах — журавлиные клики,

В их прощальных призывах —

Плач неба, земная печаль.

Тяжела моя грусть, как туманное осени небо.

КЯЗИМ

Для нас ты — и вершина, и начало,

Кязим, открывший слов могучих суть.

Крутых дорог ты одолел немало,

Всего трудней был твой последний путь.

И в кузнице поэзии стозвучной,

Где жаркий гори — в багряных угольках,

Я раздуваю мех, как твой подручный,

А молот мастера — в твоих руках.

В ДОРОГЕ

3. Тхагазитов

Мы едем в горы, где легенды живы,
Где головы нам кружит высота.
Олень на радиаторе машины
Уводит «Волгу» ввысь, вперед, где утро
Распахивает сказочный чертог.
Мы едем в утро горное, где скалы
Кинжалами нависли над дорогой.
Мы едем в горы... Два дымка в кабине
Сплетаются, как медленные думы.
Мы едем, мы дышим, мы смотрим... Наша
Дорога к высоте устремлена.

ПОЗОВИТЕ МАТЬ МОЮ

Я лежу больной на Терсколе.
Горы, горы в мудрой седине,
Дайте средство справиться мне с болью:
Позовите мать мою ко мне.

Вы, орлы, могучи, крепкокрылы,
Взрейте в ледяной голубизне —
Одолеть недуг мне дайте силу:
Позовите мать мою ко мне.

На Эльбрус плывущие с Азау
Облака, спуститесь, как во сне,
Что мне врач, реценты и бальзамы?
Позовите мать мою ко мне!

ПОРТРЕТ МОЕГО НАРОДА

О мой народ!

Я твой портрет писал на высях горных
И на крутых опасных перевалах,—
Но их закрыли стаи туч слепых.
Я твой портрет писал на глыбах черных,
На придорожных выветренных скалах,—
Но молния испепелила их.

Я твой портрет писал в цветах весенних,
На лепестках в причудливых узорах,—
Но отцвели цветы, ушла весна.
Я твой портрет писал на водах нежных,
На наших горных голубых озерах,—
Но эти воды высохли до дна.

1
Я твой портрет писал в огне багровом,
В его пыланье, трепете и гуле,—
Огонь погас, развеяна зола.
Я твой портрет писал в свинце суровом,
В летящей из ружья горячей пуле,—
Но эта пуля в рыхлый снег ушла.
Я твой портрет писал во взорах милых,
В глазах, сверкавших нежной синевою,—
Но смертный час глаза навек закрыл.
И твой портрет писал я на могилах,—
Но заросли они седой травой,
С землей сровнялись холмики могил.

О, сколько раз и сколько долгих лет
Писал я твой портрет, смеясь и плача!
Нигде не улыбалась мне удача...
Так где же, где ж писать мне твой портрет?

О мой народ! Портрет создам я твой
На том пути, что пройден был тобой:
На том пути, где кровь ты проливал,
На том пути, где в праздник ликовал,
На том пути, где в горе горевал,
На том пути, где песни ты слагал.

Его не скроешь дымом облаков,
И не остудишь холодом снегов,
Его не погасить, не иссушить,
И грохотом громов не оглушить,
Не заглушить могильною травой,
В прах не развеять, не сровнять с землей.

О мой народ! Портрет создам я твой,
Как ты, правдивый, светлый и живой.

Сквозь окно на эти строки глядя,
Блещет солнца горного огонь,
И лучом касается тетради,—
Теплым, как отцовская ладонь...

Помню школу лет послевоенных...
Тема сочиненья: «Мой отец...»
Солнечные зайчики на стенах,
Частый стук мальчишеских сердец...

Мой отец! О нем сказать бы надо
Словом, полным света и тепла,
Помянуть отцовские награды,
Перечислить добрые дела.

Кто всех лучше, ближе и дороже?
Кто во всем пример и образец?
(Будь я в классе,— я писал бы тоже:
«Мой отец — он всем отцам отец!»)

Сочиненье на уроке в школе.
Пишут все... Лишь мальчик у окна
Молча смотрит вдаль. Недетской болью
Детская душа потрясена.

Тихо плачет горец черноглазый...
Вот он ручку взял, раскрыл тетрадь:
«Я горжусь отцом! Хотя ни разу
Не пришлось его мне увидеть».

И выводит маленькой рукою,
Над страницей голову склоня:
«Мой отец погиб на поле боя,
Защищая землю, жизнь, меня».

Старый сад. Невидимо для глаз
К старикам-деревьям в час рассветный,
Крадучись, бесшумно, незаметно
Осень налегке подобралась.

Листья бесприютные летят,
Словно гнезд лишившиеся птицы,
Серый ветер над листвою глумится:
То вперед погонит, то назад...

Листья — птицы... Грустный листопад...
Ты — как дом безлюдный, старый сад...

В глубоком застыв размышленье,
Над горным ключом я стою.
В его равномерном биенье
Я песни земли узнаю.

Выходит родник тихоструйный
Из недр, что лежат глубоко,
И чист он, как матери юной
Бесценнейшее молоко.

Родник — он, покоя не зная,
Журчит над обрывом седым.
Вечна его песнь молодая,
И старость бессильна пред ним.

В глубоком стою размышленье
Над звоном прозрачной струи...
В ее неустанным биенье —
Бессмертная юность земли.

ПЛЕТЕНЬ

Плетет неторопливо горец
Плетью уверенной рукой —
Как искушенный стихотворец
Строку выводит за строкой.

Так прутья в стройный стан свиваются
Под пальцами умелых рук,
Как звуки в музыке сливаются
В сплошной аккорд, в единый звук.

Хочу уметь почерпнуть я,
Чтобы слова в руках моих
Податливо, как эти прутья,
Сплетались в гибкий, прочный стих.

О, как бы стал стране полезен я,
Как был бы памятен, когда
Я б смог, как горец, в труд поэзии
Внести поэзию труда!

Травы в росах снят, и ветер спит,
Но разносит эхо стук копыт.
Скачет в предрассветной тишине
Верховой на вороном коне.

Вдоль ущелья мчится сквозь туман.
— Ты куда? — кричит ему чабан. —
Ты зачем спешешь во весь опор?
Конь твой взмылен и угрюм твой взор.

На скаку, не замедляя бег,
Бросил всадник: «Умер человек!»
«Умер человек», — гудит гора.
«Умер человек», — свистят ветра.
«Умер человек», — ревет волна.
Стон стоит в ушах у чабана.

Умер человек — рассвет померк.
Всадник по тропе несется вверх.
И трепещет бурка на плечах
Черным флагом в утренних лучах.

На ясном вечернем небе
Звезды как след арбы.
Слышу их теплый лепет
В извивах горной тропы.

В ауле у старой сакли
Звезд оборвется путь.
Там сонный мальчик по капле
Сосет материнскую грудь.

Причмокивает, посасывает,
Словно стараясь вдохнуть
В себя этот звездный запах
И сладостный млечный путь..

ШЕПЧУТСЯ ЛИСТЬЯ ЗЕЛЕННЫЕ...

Любе.

В роще кукушка считает года,
Птицы щебечут влюбленные,
Девушка вышла, стройна, молода...
Шепчутся листья зеленые.

Бьет из расщелин целебный нарзан
Струйкою неутомною,
Смотрит с улыбкой на мир мальчуган...
Шепчутся листья зеленые.

Старец в раздумье, колечки клубя,
Трубкой дымит прокаленную...
Я ж все тебя вспоминаю, тебя...
Шепчутся листья зеленые.

Горы сиянием ясным горят,
Бегом времен убеленные...
Всюду твой милый мне чудится взгляд...
Шепчутся листья зеленые.

Дождь...
Вперемежку с солнцем дождь идет,
Над землей прозрачный пар плывет,
Вперемежку с солнцем дождь идет.

Выбегает мальчик босиком,
Он между землею и дождем,
Ножки его грудь земли щекочут.
Он бежит и скачет, и хохочет,
Он между землею и дождем.

Вперемежку с солнцем, не спеша,
Дождь идет.
Потоки серебрятся,
Льются струи и лучи струятся
И мелькают ножки малыша...
Льется солнце по его кудрям,
Льется солнце по его следам,
Льется солнце прямо мне в глаза —
Дождь и солнце. Радость и слеза.
Дождь...

Ты ушла в слезах... Ушла.
Мои руки за тобою тянутся,
Становясь длиннее и длиннее...
Мои пальцы, как щенки слепые,
Ищут, шарят, тычутся в пространство...
Ты ушла...
Снег замечает след твой.
Ты ушла...
Снег застигает взгляд мой.

Как молоко парное, свет ночной
На двор струится летнею луной.
Ребенок улыбается во сне,
Его лицо обращено к луне.

Собачьи уши насторожены,
В глазах у пса — большие две луны
В безветренной и душевной тишине
Деревьев руки тянутся к луне.

И теплый, словно вечер, хлебный дух
Идет от круглых, как луна, краях.
Неслышно уронила на крыльцо
Луна свое беззвучное кольцо.

УТРЕННИЕ СТИХИ

Что-то новое в природе —
То ли солнце, то ли утро,
То ли горы в поднебесье,
Иль виной твои ладони,

Что играют перламутром
Утра раннего, как перстнем...
Отчего такая ясность
На лице твоём, во взоре?

Как ребенок, зангрался
Солнца луч с твоей косою.
Видно, ты уходишь в сказку,
А совсем не за водою....

Жеребенок заблудился...
Над поляной ржет тревожно.
Месяц под гору скатился,
Как слеза — в пыли дорожной...

Жеребенок бредит — бродит,
Всю округу ржаньем будит,
И всю ночь мне будут сниться
Длинноухой кобылицы
Одинокие глаза,
И в них месяц — как слеза...

СЛОВО-МУЗЫКА

Ты зажигаешь раннюю зарю,
И на простор выводишь ты меня.
Ты говоришь со мной при свете дня,
И я с тобою сердцем говорю.

Мои огни в твоих глазах горят,
В твоих глазах — моих желаний свет.
Твои слова, как песни, слушать рад,
Они — слова — отрада из отрад,
В них болеутоляющий ответ.

Я помолчу. Я слушаю тебя.
Ты не словами — музыкою их
Меня пленила. Каждый новый миг
Мне говорит о вечности, любя.
В твоих словах я музыку постиг.

Лунный свет.
Открыто окно.
А на окне — гитара.
В струнах ее спит давно
Музыка лунного света.

За день гитара устала,
Устала она, уснула,
И ветерком непредвзято задеты,
Струны ее отвечают сонно.

Из груди гитары стозвонно
Исторгнута музыка лунного света,
И звуки летят, как птицы —
То тройка, то пара...
На подоконнике дремлет гитара.

Я слышу тишину,
Рожденную в груди земной.
Укрыта снежной пеленой,
Она напоминает мне струну

Родного кыл-кобуза,
Она дрожит, как та струна,
Она нисколько не обуза —
Застенчивая тишина.

И звезды слышат тишину,
И трудно думать про войну,
Про тех, кто нам сулит войну,
Готовит взрывы,

Уже свирепы пламенные порывы
Еще не названной войны.
Вот почему у этой тишины
Намного больше бомб, чем детских зыбок.

Как хочет тишина улыбок
И в добром доме хочет сна.
Сияет над снегами тишина.

ТАНЦУЕТ ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Стучится в окна дождь
Зеленой тонкой веткой.
Танцует летний дождь
За легкой занавеской.

И я в твой дом стучусь
Зеленой тонкой веткой.
Туман Куршоучу
Закрыв зеленой сеткой.

Вся в лужицах земля,
Как девочка — в веснушках.
Зеленого дождя
Ты песенку послушай.

Ты полностью в сетях
Дождинок изумрудных.
Глаза твои блестят
Зеленые, как утро.

И зелен твой наряд,
Акацией пропахший.
Он радостью объят,
Как радугую — пашня!

Ты для меня осталась безымянной,
Ты для меня осталась навсегда
Красавицей, и смуглой, и парядной,
Вегущей в вихре летнего дождя.

И я забыл все прошлые обиды,
Тоску и сумрак одиноких дней.
И в первый раз тебя сквозь дождь увидел,
Услышал смех твой — блестящий ручей.

Когда, как град, прибьют меня лишения,
Когда, как враг, предаст меня судьба,—
И проживу одним лишь утешеньем,
Что хлынет дождь — и встречу я тебя...

ДОЖДЕВЫЕ РАЗДУМЬЯ

1

Дождь.

То кажется, что он перестает.

Дождь.

То, встрепенувшись, с новой силой льет.

Дождь.

Как светлый сон, дыши, звени, струись.

Дождь.

Как небосклон, спускающийся вниз.

2

Под шум дождя прикинуть мыслью
К пшеничной влажной борозде,
Добраться бы до горных высей,
Купаясь в солнечном дожде...

Ногами тонкими босыми
Он пробежал по травам, дождь,
Платочек из небесной сини
В моих руках оставил дождь.

3

Дождь, как гриву конскую, откину,
Струйки-волоски в руках зажму,—
И во всей красе своей долина
Распахнется взору моему.

Я замечу, как волною зыбкой
Ходит нива спелая, шурша,
На заре замечу в тихой зыбке
Сонные глазенки малыша.

Я замечу, как, устав в дороге,
Прислонится облачко к скале,
Как олень, красавец круторогий,
Чащей пробирается во мгле.

Я замечу смертное дрожанье
Сломанного птичьего крыла.
Лошадиное услышу ржанье
В ночь, что от луны светлым-светла.

Я замечу, как порывом вьюги
Кряжистая свалена сосна,
И как ночь шарахнется в испуге,
Вспышкой молнии ослеплена.

4

Ловлю, ловлю я струны дождевые,
Душою, слухом, зрением ловлю,—
Как руки неба, теплые, живые,
Что держат жизнь твою и жизнь мою.

5

Дождь перестал. Затих он, утомленный,
И воздух свеж и в поле, и в саду.
Взяв в руки бережно росток зеленый,
Как светлый дождь, я по земле пройду.

Утро. Бледная луна
Зазвучала горной песней,
И внимает ей стена,
Черепица, кровля, лестница.

От луны белым-бело,
А от песни тихо-тихо...
Этим утром молоко
В лунный голос превратится...

В БУРАНЕ

Опять буран свирепствует в ауле,
Но тихие влюбленные стоят
Совсем одни на занесенной улице,
И им к лицу прекрасный снегопад.

И парень нежен, весел и рассеян,
Ему улыбка губы обожгла,
А девушка как белый сад весенний
Вся в предвкушеньи летнего тепла...

Ты лежала,
Нежное лицо свое
Положив на шершавую руку мою...
Ты дремала,
Волосы пахучие свои
Разметав по моей груди...
Сон подкрался неслышно,
И теплыми мягкими крыльями
Коснулся твоих ресниц.
Ты уснула,
И только забытая улыбка
Блуждала у тебя на губах.
Я ее подстерег, я похитил ее поцелуем!
Так был полон тобой я,
Так вдыхал я в себя
Всю тебя — и лицо, и глаза, и уста, —
Что не сразу заметил, как руки твои
Обнимали меня,
Обвивали меня...

Осень... Желтая ложбина
И горы простой рисунок...
Пароход уходит в море.
Только камни остаются
Без тебя на берегу...

Пароход уходит в море.
Он, как облачко, растает.
Я один стою и стаю
Волн косматых стерегу...

Это все мое богатство.
Все, с чем я один остался
В этом мире
Без тебя...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ — СЫНУ

Дождевые капли сонно
Каплют с листьев монотонно:
— Кап, кап, кап.

Виснут гроздья винограда.
Спит арба, и спит ограда.
— Спи, спи, спи.

Словно струйка из колодца,
К нам в окошко воздух льется.
— Спи, спи, спи.

Старые часы уснули
И лепечут тихо: «лю-ли,
Спи, спи, спи!».

В небе плыть — одна забота,
Тучке тоже спать охота.
— Спи, спи, спи.

Рыбки дремлют в реках сонных,
Ветер спит на горных склонах.
— Спи, спи, спи.

Я твою качаю зыбку,
И скользящую улыбку
Берегу твою,
И ловлю твое дыхание,
Трепетанье, засыпанье,
И тебе пою:
— Спи, спи, спи.

Город ночной.
Снег укрыт тишиной.

Улица не темна:
На белом свете белая тишина.
Иду, не в силах догнать тишину,
Хрустящих моих шагов страшится она, —
Этот испуг ее перешел в белизну —
Снегом укрытая тишина.

Мои раздумья так бесконечны,
Что иду и иду, и иду без конца....

Этой снежной ночью
Мгновения — вечны,
И кружатся они,
Как звездчатая пыльца.

Ты крепко спишь,
А Куршоучу все смотрит на тебя.
Ты крепко спишь.
А я сейчас далёко от тебя.

Ты крепко спишь,
А на твоём лице дрожит луна.
Какая тишь!
Ночь. Фонари горят. И — тишина.

Ты крепко спишь,
И так невозмутим твой сон.
Снега свисают с крыш,
Простор открыт — морозный звон.

И брови снят твои,
И волосы так мягко снят.
Ты в забыты,
Я вдалеке, но сном твоим объят.

Ты крепко спишь,
Как будто ты летишь, любя.
Ты крепко спишь,
А я сейчас далёко от тебя.

Как раскаленные угли,
Ложится на сердце тоска,
Но окна еще не потухли:
В них теплится свет ночника.

Мое одиночество рядом.
Оно меня сторожит.
Как стекла оконные — градом,
Исхлестан и и избит.

И я никуда не спрячусь.
От ветра, снегов, дождей
Я слышу, как звезды плачут
Беззвучной слезинкой моей...

И я не кричу, не плачу
Я — словно окно на пути
Мерцающим светом маячу,
Один на дороге... Один...

У ночи звездоглазой, чернокрыдой,
Закутанной в таинственную шаль,
— Что самое красивое? — спросил я.
— Луна, — мне тихий голос отвечал.
— В лучах-ресницах длинных, с ликом
светлым,
Открытое, как вешнее окно,
О утро, кто прекрасней всех, ответь мне!
— Конечно, солнце — лишь оно одно!

СЕРДЦЕ МОЕ — АНТЕННА

Сердце мое — антенна,
Высокая в небе антенна
Над маленьким домом моим.
Волны льнут к той антенне
Медленно и степенно,
Как лунного облака дым.
Высокая моя антенна
С чертами Антея,
С корнем земным.

На антенну мою
Опускаются звезды,
Дороги вселенной тянутся к ней.
Она подпирает небо,
А вокруг нее — воздух
Зажигается тысячами огней.

На антенну мою
Капают капли меда,
Солнечного меда,
Над ней расцветают цветы.
Мед — младенцу,
Цветы — любимой
В любое время года.
Приходите ко мне —
Отряхнитесь от суеты.

Если хотите — щекой прикоснитесь к луне,
Если хотите — на ладонях подбросьте
горстку звезд

В мой маленький дом
Приходите ко мне,
К большому дому Вселенной
Антенна — надежный мост.

Утро.
Улица солнечной новью полна.
Солнце из каждого смотрит окна.
Из дому выйду — светлы, горячи,
Сердце пронзают стрелы-лучи.
Я подставляю ладони лучам.
Доброе утро! — скажу землякам,
С утром хорошим поздравив друзей,
Стану добрее, стану свежей.
Утро. Полны, словно в бликах
ручьи,
Солнечной новью руки мои.

Над зрелой виноградною лозой
Луна повисла светлою слезой,
И сердце мне до самой глубины
Пронизывает грустный взгляд луны.

И грусть моя, как эта ночь, светла;
Хочу, чтоб сердце ты мое взяла
И унесла в тот виноградный сад,
Где гроздья лун на черенках висят...

РУКИ ОТЦА

Отец поработал и лег на траву отдыхать,
Сон его обуюл, и отчетливо мне показалось:
Будто добрые соки, земля торопилась впитать
Пот отцовский, отцовскую страсть
и усталость...

Спал отец мой, и сильные руки его,
Словно спящие кони, чуть вздрагивали
напряженно:
Этим старым коням удавалось выигрывать бой,
И победа на скачках им снилась, триумф
и знамена...

Спал отец мой, могучее тело раскинув
На траве, и не смог отвести я лица
От ладоней его, что лежали как мудрая книга.
Мне ее никогда не прочесть до конца...

ПУСТЬ РАСТУТ ЗВЕЗДЫ

Над аэродромом звезды, звезды...
Так они крупны и так близки,
Словно в силах я потрогать звезды
Пальцами протянутой руки.
Пусть к аэродрому самолеты
Двигутся со всех концов земли,
Я хочу, чтоб эти самолеты
По планете звезды развезли.
Выше гор взойду, достану звезды,
Соберу с заоблачных высот
И грузить я стану эти звезды
В каждый уходящий самолет.
Самолеты пусть посеют звезды,
Те, что я руками достаю,
Пусть растут посеянные звезды
В каждом уголке, в любом краю.
И когда взойдут, сияя, звезды,
То светлее станет на земле.
А когда взойдут, сияя, звезды,
Будет вдоволь хлеба на столе.
В светлых землях, где сияют звезды,
Не найдешь ни вора, ни лъстеца,
В светлых землях, где сияют звезды,
Станут чище и щедрей сердца.
Ни беды не будет, ни войны.
Станут явью сказочные сны...
Над аэродромом звезды, звезды,
Самолеты звездами полны...

Взвод проходит с песней удалою...
И платок надвинув до бровей,
Вслед солдатам с горькою тоскою
Смотрит мать погибших сыновей.

Молча плачет женщина седая —
Как ей доживать свой век одной?
Тридцать лет горят, не заживая,
Раны, нанесенные войной.

Журавли... Сынок глядит на них.
Журавли летят за солнцем вслед.
Солнце что-то шепчет — и в ответ
Слышен шум колосьев наливных.

Мальчик мой растет в моих глазах,
В сердце у меня растет, растет.
Нежный отсвет зоревых высот
На его кудрявых волосах...

Ножки погрузил в тепло земли,
Ручками касается луча —
И меж пухлых пальцев малыша
Вдаль летят цепочкой журавли.

Как струны жия кобуза * звон,
Тянется певучей стаи клин...
И спокоен строй седых вершин,
Журавлиной песней напоен.

Неба даль светла и высока,
Стая тает, тает не спеша...
Смотрит колос вслед ей, чуть дрожа,
Смотрит мальчик вслед ей, не дыша...

Жесткие реснички колоска...
Мягкие реснички малыша...

* Жия — кобуз — балкарский музыкальный инструмент.

ГОЛОСА ТЕХ, КТО НЕ ВЕРНУЛСЯ С ВОЙНЫ

Не ищите вы нас,
Не ищите!
Не найдете вы нас, не ищите.
На широких полях
Не ищите,
В чуждадных краях
Не ищите.
И в пезыблемых льдах
Не ищите,
И в летучих дождях
Не ищите.
В птичьем лете
И в горном граните
Не найдете
вы нас —
Не ищите!

II

Мы —
ваших улиц людных
каскады.
Мы — ваших победных салютов
раскаты.

Мы — зная,
что вы несете
в руках.

Мы — хлеб, что в должном почете
в домах.

С каждым новорожденным
рождаемся мы.

Утром, зарей осененным

Являемся мы,

И в ночах мы восходим над вами

Луной,

И в горах расцветаем садами

Весной.

Итак, о меня лучше на свете не знал;

Итак, та, что меня родила,—

моя мать.

Что у тебя с твоим молоком я впитал,

Что в сердце джигита дала

моя мать.

Откуда, что скрывается в сердце моем,

Чем каким чутьем узнаешь,

моя мать.

III

Всё это радостно — радостью полон твой дом,

И всё это горько — и слезы ты льешь,

моя мать.

Деревья — это наши руки,

Что тянутся из-под земли.

Звезды — слезы последней

Что мы пролить не смогли.

И всё, что больше мне сделала в жизни добра;

И всё, чем самым счастливым был мой удел,

моя мать.

Тучи, бегущие в поднебесье,—

Тобою, любя, ты, и нежна, и щедра,

Добрым я был и честен и смел,

моя мать.

Наши тени, им плыть и лететь.

Реки,— наши голоса, наши песни

Что мы не успели пропеть.

И всё, что тебе столько бессонных почей,—

И всё, что пусть посветлеет твой взгляд,

моя мать.

Молния—это миг наш предсмертный

Рывок, в атаку приказ.

Радуга—это наш след многоцветный

Это наша тоска по вас.

И всё, что ты на защите Отчизны своей

И всё, что ты, как достойный солдат,

моя мать.

Надо мною — солнце.
Предо мною — твоё фото.
Поднял к солнцу взор я, а потом
Я на фото посмотрел твоё.
Поглядел на фото, — а затем
Перевел глаза свои на солнце.
Ты — на солнце.
Солнце — на тебе...
Светлые лучи — ресницы солнца
Твоего лица слегка коснулись.
А в твоих глазах играет солнце,
Радуетя, отражаясь в них.
В сердце мне, как звезды, льётся радость
Солнечных минут, твоих минут.
Твое фото предо мной, а в небе
Надо мною — ласковое солнце.
Я стою, — счастливый, просветлённый, —
Солнцем ли, тобой ли озарен...

ЧЕЛОВЕК РОДИЛСЯ

В горском доме пынче на рассвете
Человек родился, человек.
Настежь двери, флаги в небо взвейте!
Человек родился, человек!

Люди разных стран, наречий разных,
Человек родился, человек!
Всех людей планеты общий праздник:
Человек родился, человек.

Птицы, небеса для вас открыты, —
Человек родился, человек!
Пусть летят без усталости джигиты, —
Человек родился, человек.

Радуйся, Балкария родная:
Человек родился, человек.
С новым сыном край свой поздравляю:
Человек родился, человек!

Сгните, бомбы, в арсеналах вражьих, —
Человек родился, человек,
Пусть сады цветут на горных кряжах:
Человек родился, человек.

Новой песней, утреннею песней
Человек родился, человек.
Стала жизнь богаче и чудесней:
Человек родился, человек!

Подобны друг другу дни мои,
Как листья подобны друг другу,
Как капли подобны друг другу.

И трудно порой мне заметить,
Куда мои дни исчезают:
Они высыхают, как капли?
Они улетают, как листья?

Не схожи друг с другом дни мои,
Как скалы не схожи друг с другом,
Как с берегом берег не схож.

Но трудно порой мне заметить,
Что дни мои рядом со мною,
Как скалы, меня обступают,
И как берега — провожают.

ЦВЕТЫ

Взошли, как солнце, красные цветы.
Я взял их в руки, и они трепещут,
Словно сердца, когда слагают песню...
Цветы — как люди,
Люди — как цветы.
Их жизнь и смерть освещена любовью.
Они смеются в вышине лазоревой.
Глаза — улыбка,
А лицо — сиянье.
Полно значенья робкое молчанье.
Певуч их нежный стебель,
А глаза
Таить не могут зла...
Цветы...
Цветы и солнце посреди стола.

Раскрыты окна и раскрыты двери...
В мире блуждают солнечные тени,
И вырастают тысячи деревьев
На белых стенах в комнатной тени...

На улице светло от беготни,
От горных рек и вешнего цветенья,
А у порога солнечные тени —
Как доброе приветствие родни.

Я сын вершин, и сны мои полны
В слепящем полдне лепестками бликов...
Прильнет к ладони девичья улыбка
И песни торжествующей весны...

С. Хочуеву

Морской закат раскуривает трубку;
И дым табачный стелется вдали...
В зеркальных водах, призрачных и хрупких,
Не паруса мне чудятся — орлы.

Орлиным криком, клекотом и спесью
Исклеван волн холодный лазурит,
А я искал в душе морскую песню
И трубку незнакомую курил...

С морской судьбой я свыкся и спознался,
Но до конца всех тайн я не постиг,
И лишь во рту от трубки вкус остался:
Словно зарп коснулся мой язык...

Свистнет, вскрикнет, всхлинет
Меж утесов ветер.
Как в аule скрипка, —
Плачет он весь вечер.

Сладко снится тучке
В ветреную почку,
Как ягненок — тучка.
На кудрявых пояхах.

А в дугах за летом,
Где отары снят,
Народился месяц —
Весел и лобаст!

ТРОПИНКА

Тропинка пеших, крутая тропка,
Ты в пыльных травах скользишь змеей,
Бежишь, подобно косуле робкой,
Что заблудилась в глуши лесной.

Петляешь, кружишь... Твой путь извилист.
Его начало — у воижеких вод.
Тропинка-тропка, скажи на милость,
Куда полоска твоя ведет?

Бежишь стенами к отрогам горным
Неуследимым своим путем,
Сильна стремленьем своим упорным,
Ты за подъемом берешь подъем.

От Волги вступишь холмистой стенью, —
Вслед за тобою спешит мой взор
Туда, где встали лиловой цепью
Вдоль горизонта вершины гор.

Хочу, чтоб радость тобой шагала,
Чтоб не встречала ты горьких бед,
Чтобы ни пропасти, ни обвалы
Не прерывали твой добрый бег.

Подобно козочке-тонконожке,
Спешу, тропинка, беги, петляй,
Мне все мерещится, что ведешь ты
К горам Кавказа, в мой милый край!

Дождь устал, утих, ушел... Светло.
Солнце отдохнувшее пришло.

Радуги цветистая дуга
Обняла озера и луга.

И по озеру, легка, бела,
Лодка вся в сиянье проплыла.

Яблоня прибрежная влажна,
После ливня как в поту она.

Радугу, как ветку, я встряхну,
Капли истопленные смахну.

А зубами в яблоко вопьюсь,—
Словно солища сочного коснусь...

ЗЕМЛЯ

(Поэма)

I

Многорукое солнце, дневное светило,
Закатилось — как за гору перевалило,
Свои длинные руки вбирая в себя,
Облаками багряными небо рябя,
Раскаленное солнце, дневное светило
Закатилось — как за гору перевалило.
Закатилось, свой вкус оставляя
Золотящимся спелым полям.

Закатилось, тепло оставляя
Придорожным лобастым камням.
Закатилось, свой свет оставляя
Человеческим добрым сердцам.

Солнце за гору, за гору перевалило,
Оставляя земле свою щедрую силу
И вечернего неба поблекшая просинь,
Кольхаясь, течет по поникшим колосьям...

II

Земля...
Я стою —
Моя тень предзакатная тянется
По горам и долинам, мой отпечаток неся,
Я стою —

Моя тень, как бесшумная странница,
Все бредет и бредет,
По подъемам и спускам скользя,
Я стою —

Свет земной
Даже тени
Дает богатырский разбег и размах!
Свет земной,
Ты в глазах,
Ты в домах, ты в сердцах и умах!

III

Земля и солнце,
Сговорясь друг с другом,
Меня возносят в голубой простор.
Земля и солнце,
Сговорясь друг с другом,
Хотят мне счастье взлета подарить!

Я с высоты гляжу на землю:
В дымке
Туманной над морями и горами
Она трепещет, как живое сердце,
Качаясь на невидимых волнах...
Качаясь по волнам...

Волны — годы:
В напевах — годы,
И в молчанье — годы,
В мерцанье звездном — годы, годы, годы...
Качается земля — и оставляет —
Как за кормой корабль — бегущий след...
О след земли — история земная!
Под темным небом — светлая земля.

IV

Утро...

Земля сейчас иная, чем вчера,
Земля сегодня краше, чем вчера,
Земля сейчас новее, чем вчера,
По-новому для нас она щедра!

Земное утро — новое начало:
Новы раздумья, троны, перевалы,
Новы леса и нивы, и сады,
И радостно новы мои следы:
На тенях солнечных —
Мои следы,
На лунной полночи —
Мои следы.

V

Я руки кладу большие
На широкую грудь земли,
В земле необъятной, огромной
Я слышу сердцебиенье
Своей родимой земли...

И дремлет земля устало,
Как тучи, веки смежив,
И вздрагивает на ресницах
Чуткая тишина.

Высот бескрайнего неба
Руками я достаю
И чувствую в небе бездонном
Тепло своего небосвода.

Согретый теплом небесным,
Согретый теплом земным,
Я в сердце слышу приливы
Чистейших страстей и чувств.

VI

Земля и небо вместе до рассвета
Готовят солнцу в круговой поход,
И песни, что в ночи землей и небом спеты,
Днем солнцу громогласно пропоют!

Выходит солнцу —
Что ни луч, то жаркий шаг.
Выходит солнцу —
И земной теплеет шар.
Выходит солнцу, словно бы стесняясь
Своей всеильной ласковой красоты,
Выходит солнцу — листья, просыпаясь,
Звенят призывно каплями росы.
Выходит солнцу, сквозь сердца людские
Пройдя, — на травы шлет лучи оно,
И вот журчат потоки ключевые,
И туго наливается зерно.
И сияет под солнцем
Земная людская ладонь,
Словно к небу простертый
Работы бессмертный огонь!

VII

Дом воздвиг человек, —
И тепло его рук
Стенам каменным передается.
Он разводит огонь —

И, прислушавшись, чувствует вдруг:
Бьется пламя, как сердце,
Как сердце багряное, бьется.

Он разводит огонь —
Оживает, теплеет очаг,
Алый ответ на стенах, как радость в очах...
Разгорелся очаг — дым плывет сизой струйкою
ввысь,
Разгорелся очаг — добрый свет наполняет
оконце.

Разгорелся очаг, — значит, люди к огню
собрались,
И для новой семьи засияло домашнее солнце!

Дым плывет к небесам,
Достигая мерцающих звезд,
Виден свет очага сквозь туманную муть
непогоды:
На виду у Вселенной во весь поднимается рост
Дом семьи, дом людей,
Прочно сложен на долгие годы!

VIII

В новом селенье,
На улицу новую
Девушка под вечер вышла.
Улица эта — словно длинная фраза,
Где ни точек, ни запятых...
Только смысл ее ясен:
Это черные, длинные волосы
Той, что на улицу под вечер вышла.
На другом конце улицы
Ждет эту девушку парень,
Он всю улицу длинную

В сердце готов уместить.
Двосточные глаз
Озаренного радостью парня —
Раскрывают мне смысл
Этой улицы-фразы...

Вот они повстречались,
Вот они улыбулись друг другу —
И по улице-фразе
Катится слово — «любовь»,
И от этого слова
На улице окна светлеют,
И дворы веселеют,
И звонче смеются дети,
Это слово — опора
Высокого неба.
Это слово земное — любовь!

IX

Женщина
В новом доме
Грудью кормит ребенка.
Лицо младенца...
Матери глаза...
Встречаются они —
И слово «радость»
Рождается и проникает в землю,
Как семя внешнее,
Как капли дождевые,
Как солнца благодатные лучи...
О слово «радость» — молоко земли!

X

Родник...
Течет он, прорезая скалы.
Его водой наполнию я ладони —
И в ней увижу солнце, небо, тучи.
Прильну губами к струям родника —
И чувствую, душа богаче стала, —
Как небеса, бескрайной и бездонной,
Как солнце — лучезарной и могучей,
И вольной, как седые облака...

Земля!

Ты подарила человеку
Сокровище бесценнейшее — воду,
И вот плоды отягощают ветки,
И тучные колышутся поля.
Шумят дожди, текут в долинах реки,
Стал человек хозяином природы.
«Век будь, земля!» — твердили наши предки,
И мы твердим: «Да здравствует земля!»

XI

Светлы наши лица.
Радостны наши взоры.
Мы мечтою окрылены,
Эти крылья земель нам даны.
И земле воздаем мы
Натруженных рук теплотой,
И полетом ума
Мы земле возвращаем свой долг!

Ты скажи мне, земля,
Кто тебе всех нужней и важней?

Первым делом земле
Нужен доблестный сын — Человек!

А еще нужно солнце —
Горящее сердце Вселенной,
Чьи лучи, словно соки,
Трепещут в корнях и плодах.
А вода — это крылья,
Поющие крылья земли!
А еще нужен плуг,
Нужен остро отточенный плуг.
Плуг, взрыхляющий почву.

Чтоб встретилось солнце с водой
В гибких стеблях растений, в упругом наливе
плодов.

А еще нужен камень, чтоб памятники
воздвигать,

А еще нужны горы —
Они, как мечта, высоки
И, как совесть, чисты!
И дороги нужны —
Чтобы сердца друг с другом встречались,
Чтоб маленькие земли дружили на общей
земле!

А еще всей земле нужно красное знамя труда:
Там, где светит оно,
Там становится небо ясней,
Там свобода и братство,
Там равенство, счастье и мир
Над землею царят,
Торжествуя в сердцах у людей!

XII

Я на землю смотрю,
Словно вижу ее в первый раз:
С ее светом сливается
Блеск моих радостных глаз.
И идут они к небу
Лучистой двойной колеей,
Словно мост световой,
Что проложен землею и мной!
И взбираются ввысь
Вдоль ажурных пролетов моста
Все дороги и годы,
Всей жизни моей полнота!
Мчится время — и я
Восхожу все смелей и смелей,
Опираясь о плечи Балкарни милой моей!

Люди, люди!
Пускай по лучистым дорогам моста
Ходят ваши надежды и ваших сердец красота!
Люди, люди!
Пускай вас возносит к сиянию звезд
Этот мост мой волшебный,
Открытый для каждого мост!

XIII

Человек на земле,
На распаханной плугом земле.
На прогретой, на влажной,
Распахнутой настезь земле.
Вышел сеятель в поле, —
И в землю идут семена,
Как солнечные лучи.

И вбирает их почва,
Тепла, благодарна, нежна,
Человек сеет семена —
Удлиняются его руки,
Достигая всех широт поля —
Засавающий землю,
Ты ласков и добр, человек!
И из глаз твоих мудрых
Струятся лучи, человек!
И из рук твоих теплых,
Где горсть драгоценных семян,
Запах пота исходит,
Клубясь, как рассветный туман.
И над внешней землею,
Как облачко пара, плывет
Пот, что пролит за плугом,
Усталого пахаря пот.
И из этого пара,
Плывущего над бороздой,
Свяжут солнце с землею
Платок разнотравья цветной,
А когда же придет,
Урожая осеннего срок,
Человеку подарит
Земля этот пестрый платок!

XIV

Первый дождь,
Первый дождь весенний,
Стокосавшийся по земле...
Льется, льется, радуя землю,
Освежая краски земли.
Лес прислушивается, затихнув,
К первой песенке дождевой.

Дождь напентывает деревьям
Речи солнца, посулы весны.
Этот шепот будит природу —
И подснежники рвутся к свету...
И очнулась в бору кукушка
И запела: ку-ку, ку-ку!
Пронархивает по веткам,
Выкликая: ку-ку, ку-ку!
Дождь, с землей наласкавшийся вдоволь,
Успокоился и замолк...
На ладони земли — подснежники,
В чаще леса — кукушкин крик,
Словно эхо легенды старой...
Сколько лет с той поры прошло?

Жил когда-то юный джигит.
В битву ринулся он с врагами,
Защищая землю свою,
Он ушел — и домой не вернулся...
Сколько лет с той поры прошло?
Мать седая в поисках сына
Все земные пути обошла,
Шла и летом она и зимою,
Шла весной и осенью шла,
Окликая сына повсюду,
Проливая горькие слезы...
«Нет его», — отвечали горы,
«Нет его», — откликались степи,
«Нет его», — шелестели леса...
Сколько лет с той поры прошло?

И однажды весной ранней,
В дни, когда зацветал подснежник,
Отливают бронзою зерна,
Теплый луч на зерне играет,

В дни, когда дожди зашумели,
Безутешная мать седая
В дождь вошла — и осталась в нем.
И исчезла в нем, окликаая:
«Сын мой, где ты? Сынок мой, где ты?»

Сколько лет с той поры прошло?
Стал тот крик бесприютной птицей,
Бесприютной птицей-кукушкой,
Стал тот крик ее горьким стоном,
Грустным зовом: «Ку-ку, ку-ку!»

А земля материнские слезы
Превращает весной в подснежники,
Каждый год, чуть пригреет солнце,
На опушках они вырастают...

Сколько лет с той поры прошло?
Снова первый весенний дождь,
Зашуршал, застучал по кровлям, —
И мне чудится: матери ищут
Не вернувшихся сыновей...
Сколько лет им еще искать?

XV

С яростною волей непреклонною
Заслоняя Родину в бою,
Воин пал на кровью обогренную
Землю опаленную свою...

В смертный бой во имя жизни вышедший,
Он погиб за всех, кто будет жив,
Умер он за уцелевших тысячи,

За себя лишь умереть забыв.
Под снегами погребен кровавыми,
Стал солдат земель в своей земле:
Стал корнями, листьями и травами,
Зернами, проросшими во мгле...
А потом стволами, цветами, стеблями
Он в простор прорвался голубой:
Не травинкой, ветерком колеблемой, —
Памятником встал он над землей.
Памятником всем, кто пал в сражении,
Гибелью героической смерть поправ...
Жизнь солдата — в вечном продолжении
Шума рек и колыбань трав.
Все, что мог, он отдал за любимую
Землю, — чтоб сады на ней цвели,
Он погиб за жизнь неистребимую,
За живую жизнь живой земли!

XVI

Раздвигая руками колосья,
Словно волны спелого поля,
Человек вдоль нивы идет...
Вышелушивает он колос —
И лежат на его ладони
Наливные тугие зерна,
Как осколки солнца, блестя.
И от этого блеска — радостью
Загорается взор человека
Глянцевито сверкают зерна —
На лице человека улыбка.
Этим блеском и этой улыбкой
Озаряется поднебесье
Озаряется вся земля.

Теплый луч, словно пар над первым
Золотым караваем хлеба!

XVII

Пусть каждому, кто честен,
Хлеб земли
Приносит радость!
Пусть добро и правду
В себя впитает каждый, кто отведал
Вкус хлеба!
Пусть ничья нога не смеет
Топтать поля, где зреет хлеб земной!
Да здравствует мозолистые руки,
Растящие хлеба на доброй ниве,
Да здравствует богатыри земные,
Держащие планету на плечах!

XVIII

Новый день в предрассветной рождается мгле,
Новым сыном в семье — новый день на земле.
Я из дома навстречу ему выхожу,
И своих сыновей я к нему вывожу.
Продолжение рук моих — вы, сыновья!
И бессмертье всех дел моих — вы, сыновья!
Я шагаю, лучистых надежд не тая,
На руках у меня — малыши-сыновья.
День все ярче и ярче, светлей и светлей —
Ширь земная владеет душою моей,
Высь небес завладела душою моей:
Пусть посмотрят они на моих сыновей.
Чтоб под любящим взглядом небес и земли
Сыновья на земле побыстрее росли!
Словно крылья земли, пусть растут сыновья,
Как сиянье небес, пусть растут сыновья!

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Озеров. Песня родинка	5
Старые дороги. Перевод Л. Шерешевского	9
«Полон сад дыханьем яблок спелых...» Перевод Л. Шерешевского	10
«Старик идет за плугом...» Перевод Л. Шерешевского	11
Снежная симфония. Перевод Л. Шерешевского	12
Стихи, посвященные Алимю Байсултанову. Перевод М. Ногтевой	13
«Дороги в светлом мареве...» Перевод Л. Шерешевского	14
Новоселье. Перевод Л. Озерова	15
Белая речка. Перевод М. Ногтевой	17
Горский реквием. Перевод Л. Шерешевского	18
Кязим. Перевод Л. Шерешевского	21
В дороге. Перевод Л. Шерешевского	22
Позовите мать мою. Перевод Л. Шерешевского	23
Портрет моего народа. Перевод Л. Шерешевского	24
«Помню школу лет послевоенных...» Перевод Л. Шерешевского	26
«Старый сад...» Перевод Л. Шерешевского	28
«В глубоком застыл размышленье...» Перевод Л. Шерешевского	29
Плетень. Перевод Л. Шерешевского	30
«Травы в росах спят и ветер спит...» Перевод Л. Шерешевского	31

«На испом вечернем небе...» Перевод М. Ногтевой	32
Шепчутся листья зеленые... Перевод Л. Шерешевского	33
«Дождь...» Перевод Л. Шерешевского	34
«Ты ушла в слезах... Ушла...» Перевод Л. Шерешевского	35
«Как молоко парное, свет ночной...» Перевод Л. Шерешевского	36
Утренние стихи. Перевод М. Ногтевой	37
«Жеребенок заблудился...» Перевод М. Ногтевой	38
Слово-музыка. Перевод Л. Озерова	39
«Лунный свет...» Перевод Л. Озерова	40
«Я слышу тишину...» Перевод Л. Озерова	41
Танцует летний дождь. Перевод М. Ногтевой	42
«Ты для меня осталась безмянной...» Перевод М. Ногтевой	43
Дождевые раздумья. Перевод Л. Шерешевского	44
«Утро. Бледная луна...» Перевод М. Ногтевой	46
В буране. Перевод М. Ногтевой	47
«Ты лежала...» Перевод Л. Шерешевского	48
«Осень... Желтая ложбина...» Перевод М. Ногтевой	49
Колыбельная — сыну. Перевод Л. Озерова	50
«Город ночной...» Перевод Л. Озерова	51
«Ты крепко спишь...» Перевод Л. Озерова	52
«Как раскаленные угли...» Перевод М. Ногтевой	53
«У ночи звездглазой, чернокрылой...» Перевод М. Ногтевой	54
Сердце мое — антенна. Перевод Л. Озерова	55
«Утро...» Перевод Л. Шерешевского	57

«Над зрелой виноградною лозой...» Перевод Л. Шерешевского	58
Руки отца. Перевод М. Ногтевой	59
Пусть растут звезды. Перевод Л. Шерешевского	60
«Взвод проходит с песней удаюлю...» Перевод Л. Шерешевского	61
«Журавли... Сынок глядит на них...» Перевод Л. Шерешевского	62
Голоса тех, кто не вернулся с войны... Перевод Л. Шерешевского	63
«Никто меня лучше на свете не знал...» Перевод Л. Шерешевского	65
«Надо мною — солнце...» Перевод Л. Шерешевского	66
Человек родился. Перевод Л. Шерешевского	67
«Подобны друг другу дни мои...» Перевод Л. Шерешевского	68
Цветы. Перевод М. Ногтевой	69
«Раскрыты окна и раскрыты двери...» Перевод М. Ногтевой	70
«Морской закат раскуривает трубку...» Перевод М. Ногтевой	71
«Свистнет, вскрикнет, всхлипнет...» Перевод М. Ногтевой	72
Тропинка. Перевод Л. Шерешевского	73
«Дождь устал...» Перевод Л. Шерешевского	74
Земля. (Поэма.) Перевод Л. Шерешевского	75

Ахмат Солтанович Созаев

СОЛНЕЧНЫЕ ТЕНИ

Редактор И. Х. Бабаев

Художник Г. С. Паштов

Художественный редактор И. Г. Абрамов

Технический редактор Л. Д. Жарашуева

Корректор К. Б. Жамбеева

Сдано в набор 27/VI 1974 г. Подписано к печати 12/VIII 1974 г. Формат 70×90^{1/32}. Бумага офсетная № 1. Физ. печ. л. 2,875. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 2,43. Тираж 2000 экз. Заказ № 6413 Ч 00148. Цена 26 коп.

Книжное издательство «Эльбрус»

Нальчик, ул. им. адмирала Головки, 6

Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года

Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров КБАССР
Нальчик, проспект им. Ленина, 33